

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 304.2

doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-76-80

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕГЕМОННОЙ МАСКУЛИННОСТИ В КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ ТЕРМИНАХ

© **Станислав Владимирович Сикилинда¹, Марина Васильевна Ласкова²**

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия; ²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹benromach@yandex.ru ²mvlaskova@sfedu.ru

Аннотация. Показано, что концепция гегемонной маскулинности вызывает критику со стороны представителей разных академических сообществ вследствие «спорных» попыток доказать, что мужчины и мужественность – синкретичные категории. Признается действенность и целесообразность выдвигаемой проблематики, связанной с гендерно маркируемыми феноменами. Предлагается культурно-философский пересмотр концепции гегемонной маскулинности, ее детализация в терминах философии культуры.

Ключевые слова: гегемонная маскулинность, гендерная иерархия, дискурсивные практики, культурно-философская модель маскулинности.

Для цитирования: Сикилинда С.В., Ласкова М.В. Проблемы интерпретации гегемонной маскулинности в культурно-философских терминах // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 111. № 4. С. 76-80. doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-76-80.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

Problems of interpreting hegemonic masculinity in cultural and philosophical terms

© **Stanislav V. Sikilinda¹, Marina V. Laskova²**

¹Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russian Federation;

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹benromach@yandex.ru ²mvlaskova@sfedu.ru

Abstract. It is shown that the concept of hegemonic masculinity is criticized by representatives of various academic communities due to "controversial" attempts to prove that men and masculinity are synonymous categories. The effectiveness and expediency of the proposed issues related to gender-labeled phenomena is recognized. A cultural and philosophical revision of the concept of hegemonic masculinity is proposed, its elaboration in terms of the philosophy of culture.

Key words: hegemonic masculinity, gender hierarchy, discursive practices, cultural and philosophical model of masculinity.

For citation: Sikilinda S.V., Laskova M.V. Problems of interpreting hegemonic masculinity in cultural and philosophical terms. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 111. No 4. P. 76-80. doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-76-80.

Введение

Концепция гегемонной маскулинности была впервые предложена в таких теоретико-эмпирических источниках, как:

- отчеты о результатах полевых исследований социального неравенства в школьном образовании;
- концептуальное обсуждение формирования маскулинности и восприятия мужской телесности;
- дебаты о роли мужчин в политической сфере.

Систематизация полученного теоретико-эмпирического материала привела к разработке модели множественной маскулинности, которая в свою очередь интегрируется в социологическую и культурно-философскую теорию гендера. В контексте теории дуальных систем идея гегемонии А. Грамши оптимально трансформируется в проблемную сферу гендерных отношений. На становление концепции гегемонной маскулинности также оказала влияние теория психоанализа: З. Фрейд, создавая первые аналитические биографии мужчин на примере истории болезни «Человека-волка», привел аргументы в пользу того, что личность взрослого человека представляет собой систему, находящуюся в напряжении с подавленными, но не вытесненными встречными течениями [6].

С гендерной точки зрения, то, что появилось на основе вышеприведенной междисциплинарной матрицы в середине 80-х гг. XX столетия становится аналогом исследований структуры взаимоотношения полов в философии культуры. Гегемонная маскулинность получает трактовку в терминах моделей поведения (т.е. действия, а не набора ролевых ожиданий или идентичности), которая позволяет мужчинам сохранять доминирование над женщинами.

Признается, что гегемонная маскулинность:

- отличается от других типов маскулинности (в частности, от подчиненной маскулинности);

- не является стандартной в статистическом смысле: только меньшинство мужчин способно ее проявлять (однако предстает нормативным и поощряемым явлением в социуме) [8].

Сформированная концепция воплощает в себе наиболее релевантный в настоящее время образ мужчины. Выдвигается настоятельное требование для мужчин позиционировать себя по отношению к этому образу. Мужчины, пользующиеся преимуществами патриархата, не соответствующие сильной версии маскулинного доминирования, квалифицируются как субъекты, которые проявляют посильное соучастие в маскулинности. Гегемония не означает насилия, хотя и может поддерживаться силой, предполагает господство, достигаемое с опорой на культуру, социально-политические институты, личностные убеждения, которые определяются в абстрактных терминах логики патриархальной гендерной системы. Гендерные отношения предопределяются историческим фактором: гендерные иерархии возникают в благоприятных обстоятельствах, трансформируются со временем, в результате борьбы за гегемонию старые формы маскулинности вытесняются новыми конфигурациями.

Обсуждение

Анализ доминирующей маскулинности служит методологической основой для исследований в гендерной сфере, придя на смену теории половых ролей и категориальных моделей патриархата [2; 3; 4]. Растущие исследовательские усилия приводят к расширению самой концепции, которая конкретизируется такими четырьмя основными способами, как:

- 1) документирование последствий и издержек гегемонии;
- 2) раскрытие механизмов становления гегемонии;
- 3) демонстрация разнообразия культурно-философского проявления маскулинности;
- 4) отслеживание изменений в категории маскулинности, выражаемой мужчинами-лидерами.

Из концептуальной модели с узкой эмпирической базой концепция гегемонная маскулинности преобразуется в широко используемую основу для культурно-философских дискуссий о стереотипных образах мужчин в современном социуме [5]. Эта концепция применяется в различных культурно-философских контекстах, для решения широкого круга практических вопросов, в том числе, при определении гендерной идентичности [1]. Вместе с тем она вызывает ряд критических замечаний. Так, понятие маскулинности оказывается размытым в своем значении, проявляет тенденцию к преуменьшению значимости проблем власти и доминирования. В формате этой концепции фокус делается преимущественно на характере мужчин, навязывается иллюзорное единство изменчивой и противоречивой реальности. Маскулинность не является фиксированным конструктом, отражающим телесность и личностную психологическую субъективность отдельного индивида, инкорпорирует формы повсед-

невной деятельности, которые дифференцируются в зависимости от взаимоотношений гендеров в конкретном культурно-философском контексте.

Критика концепции маскулинности приобретает конструктивный смысл, когда принимается во внимание тенденция к дихотомизации повседневного опыта мужчин и женщин. Особую критику вызывает и вопрос о том, какой тип мужчин стратегически символизирует гегемонную мужественность. В современном социуме давно уже утвердился стереотип, согласно которому многие мужчины, наделенные сущностной социальной властью, не воплощают идеальную мужественность. Эта концепция обладает противоречивым практическим применением: исследователи, работающие на данной теоретической платформе, как правило, ссылаются на фиксированный тип мужественности, а в других случаях — на тот тип, который доминирует в определенное время и в определенном месте. Не систематизируется, как на самом деле выглядит соответствие образа современного мужчины гегемонной маскулинности на практике.

Могут быть созданы модели гегемонной маскулинности, которые не соответствуют повседневной жизни реальных мужчин. Тем не менее, эти модели по-разному выражают мужские идеалы, потребности и желания, предлагают целый ряд моделей отношений с женщинами. Более того, они в значительной степени согласуются с культурно-философской конституцией маскулинности как образа жизни в повседневных условиях. Доминирующие модели маскулинности укоренены в определенной социальной среде. Гендер формируется, в том числе, в разнообразных контекстах образовательных учреждений с учетом географического фактора, культурных моделей знакомств мужчин и женщин. Во всех указанных контекстах доминирующая маскулинность не является статичным и автономным конструктом — её существование реляционно и зависит от других моделей. При определении гегемонной маскулинности, как правило, озвучиваются культурно-философские идеалы, которые не квалифицируются как жесткая норма. В свою очередь гендерные отношения формируются не только дискурсивными практиками (включая уход за детьми), но и с опорой на нерелексивные рутинные действия.

В культурно-философских теориях гендера часто прослеживается тенденция к функционализму, т.е. к рассмотрению гендерных отношений как самовоспроизводящейся системы, объяснению каждого элемента с точки зрения его функции в воспроизводстве целого. Господство мужчин и подчинение женщин представляют собой исторический процесс, а не самовоспроизводящуюся систему. «Мужское господство» может быть оспорено, для его поддержания требуются значительные усилия. Можно привести убедительные доказательства того, что гегемонная маскулинность не является самовоспроизводящейся формой, будь то через габитус или какой-либо иной механизм.

Поддержание данной модели гегемонии требует контроля над мужчинами. В работе Д.З. Деметриу, посвященной критическому обзору концепции доминирующей маскулинности, актуализуется тезис об изменчивости категории гендера на диахроническом срезе [9]. Исследователь дифференцирует такие сущности, как: (1) внешняя гегемония: создание и поддержание устойчивых социальных практик доминирования мужчин над женщинами; (2) внутренняя гегемония: социальный приоритет одной группы мужчин над другими субъектами мужского пола.

Маскулиность, не являющаяся гегемонной, вступает в противоречие с доминирующей маскулинностью. Существует дуалистическое представление о маскулинности. Д.З. Деметриу считает, что такая концептуализация упускает из виду «диалектический прагматизм», который присущ внутренней гегемонии: гегемонная маскулинность «присваивает» все те параметры мужественности (характерные для иных типов маскулинности), рассматриваемые как прагматически существенные для установления и поддержания господства мужчин в социуме. Следствием этих процессов оказывается «исторический блок», состоящий из синкретического множества моделей, гибридность которых является оптимальной стратегией внешней гегемонии.

Такой ракурс диалектических представлений обуславливает иную точку зрения на исторические преобразования в сфере маскулинности. В культурно-философской основе гегемонного мужского блока лежит гибридизация, инкорпорирующая разнородные компоненты. В результате этот блок не способен «перестраиваться и приспосабливаться к специфике новых исторических условий» [9, р. 355]. Позиция Д.З. Деметриу доказывает, что определенные маскулинные практики могут быть адаптированы к другим маскулинностям, создавая своеобразный синкретизм.

Суммируя все вышеприведенные критические замечания, мы предлагаем следующую детализацию концепции гегемонной маскулинности. Анализируемая концепция комбинирует множественность маскулинности и ее разнообразные культурно-философские иерархии. Особую исследовательскую релевантность приобретает постулат об иерархии различных типов как идеального образца гегемонии, а не паттерна господства, в основе которого лежит использование силы. Поддерживается идея о том, что гегемонная маскулинность не в обязательном порядке является распространенным феноменом в повседневной жизни мужчин. Скорее, гегемония достигается за счет образцов мужественности, воплощаемых авторитетными субъектами. В социальных и культурно-философских контекстах маскулинность меняется на диахроническом уровне. Трансформации порождают инновационные стратегии в отношениях между полами, приводят к пересмотру представлений о мужественности, вызывающих общественное восхищение.

Как представляется, не выдерживают критики следующие две формулировки гегемонной маскулинности. Во-первых, модель социальных отношений, окружающих доминирующую маскулинность. В работе «Гендер и власть» Р.В. Коннел предпринимает попытку систематизировать все типы маскулинности в терминах единой модели власти, «глобального господства» мужчин над женщинами [7, р. 183]. В 80-е гг. XX столетия это было конструктивным исследовательским решением, принимаемым в целях предотвращения распада идеи множественных маскулинных связей на обилие конкурирующих стилей повседневной жизни. В настоящий момент этого явно недостаточно для системного осознания таких феноменов, как: (1) сопряжения между теми или иными социальными группами мужчин и определенными формами мужественности; (2) женские стереотипные представления о типах маскулинности, которые доминируют в социуме на конкретном синхронном срезе. В свою очередь женщины, отдавшие предпочтение профессиональному карьерному росту, могут оптимально овладевать теми или иными аспектами гегемонной маскулинности.

Очевидно, что актуальной задачей предстает создание более конструктивных представлений о гендерной иерархии. Необходимо преодолеть не только эссенциалистскую концепцию маскулинности, но и подход к гендеру, основанный на фиксированных признаках. Концепция доминирующей маскулинности нуждается в пересмотре таких положений, как (1) онтологическая предопределенность гендерной иерархии; (2) специфические тенденции ее культурно-философского конструирования; (3) поступательная динамика формирования и трансформации множественной маскулинности на определенном историческом этапе развития общества и в диахроническом плане.

Выводы

Категория гендера связана с взаимоотношениями полов. Возможно, сосредоточение исследовательского внимания исключительно на деятельности мужчин преуменьшает сущностную позицию женщин в формировании гендера среди мужчин. Женщины играют центральную роль в многочисленных процессах, формирующих повседневную культуру мужчин. На гендерную иерархию влияют новые представления о женской идентичности. Считаем, что исследования гегемонной маскулинности в настоящее время призваны уделять больше внимания дискурсивным и нерелексивным рутинным практикам женщин, историческому взаимодействию культурно-философских категорий фемининности и маскулинности.

Список источников

1. Глазырина А.М. Социокультурный контекст как основание поиска гендерной идентичности // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–12. С. 2754–2758.
2. Зюбина И.А. Феномен доминирования в политическом дискурсе: юрислингвистические аспекты. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2024. 257 с.
3. Ковтуненко И.В., Кудряшов И.А. Гендер в фокусе социокультурных проблем антиутопического общества // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6. № 4 (22). С. 192–200.
4. Ковтуненко И.В., Кудряшов И.А., Бондаренко Ю.Б. Проблема многомерной идентичности личности в обществе эпохи постмодерна // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 1. С. 158–174.
5. Пермякова Т.В., Куимов В.С. Типология маскулинности и ее критерии как теоретическая проблема // В мире научных открытий. 2015. № 3–8 (63). С. 3861–3877.
6. Фрейд З. Психоанализ детских страхов. М.: Азбука, 2024. 288 с.
7. Connell R.W. Gender and Power – Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press, 1987. 352 p.
8. Connell R.W. Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995. 324 p.
9. Demetriou D. Z. Connell's Concept of Hegemonic Masculinity: A Critique // Theory and Society. 2001. № 30 (3). P. 337–361.

References

1. Glazyrina A.M. Sociocultural context as the basis for the search for gender identity // Fundamental research. 2014. No. 11–12. P. 2754–2758.
2. Zyubina I.A. The phenomenon of dominance in political discourse: legal and linguistic aspects. Rostov-on-Don: SFedU, 2024. 257 p.
3. Kovtunencko I.V., Kudryashov I.A. Gender in the focus of socio-cultural problems of a dystopian society // Caucasian Science Bridge. 2023. Vol. 6. No. 4 (22). P. 192–200.
4. Kovtunencko I.V., Kudryashov I.A., Bondarenko Yu.B. The problem of multidimensional personality identity in postmodern society // Humanities of the South of Russia. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 158–174.
5. Permyakova T.V., Kuimov V.S. Typology of masculinity and its criteria as a theoretical problem // In the world of scientific discoveries. 2015. No. 3-8 (63). P. 3861–3877.
6. Freud Z. Psychoanalysis of children's fears. M.: Azbuka, 2024. 288 p.
7. Connell R.W. Gender and power – society, the person and sexual politics. Cambridge: Polity Press, 1987. 352 p.
8. Connell R.W. Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995. 324 p.
9. Demetriou D.Z. Connell's concept of hegemonic masculinity: a critique // Theory and Society. 2001. No. 30 (3). P. 337–361.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 18.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 18.05.2025; accepted for publication 20.05.2025.